

Глава 6

Мама спала весь день и всю ночь, сутки напролет. Она практически не двигалась. При любой возможности я старалась убедить ее что-нибудь съесть. Стала готовить коко, свое любимое детское блюдо. Мне пришлось обойти три разных магазина, чтобы отыскать нужный сорт проса, подходящую кукурузную шелуху и правильный арахис для посыпки. Надеялась, что уж кашу-то мама проглотит не задумываясь. Утром, перед тем как пойти на работу, я оставила миску у ее постели, но, когда вернулась, поверхность блюда подернулась пленкой, а все, что ниже, так слежалось, что пришлось немало потрудиться, выскабливая кашу в раковину.

Мама всегда лежала ко мне спиной, словно чуяла, когда я войду в комнату с тарелкой коко. Я представила, вот бы кто-нибудь заснял это и сделал монтаж: внизу подстрочником мелькают названия дней недели, но единственное, что меняется в кадре, — моя одежда.

Примерно через пять суток в таком режиме я вошла в комнату, а мама не спала и лежала лицом ко мне.

— Гифти, ты все еще молишься? — спросила она, когда я поставила чашку с коко.

Пожалуй, милосерднее было бы солгать, но милосердие во мне закончилось. А может, никогда и не начиналось. Я смутно припоминала, что в детстве была доброй,

но, вероятно, путала доброту и младенческую невинность. Между мной прежней и нынешней было так мало общего, что казалось бессмысленным выказывать матери чувства вроде милосердия. Разве тогда я его знала?

— Нет, — ответила я.

В детстве я молилась. Читала Библию, вела дневник, где писала письма Богу. Жутко боялась, что их прочитают, поэтому придумала кодовые имена для всех тех, кто, по моему мнению, заслуживал его кары.

Если пролистать этот дневник, становится ясно, что я была из тех ярых христиан, что от души верят в искупительную силу наказания. «Причина, почему они еще не упали и не падают, может быть только одна — не пришло назначенное Богом время. Поэтому и сказано, что, когда оно придет, “нога их поскользнется”. Бог не будет больше поддерживать их на скользком месте. Он оставит их одних»⁵.

Свою мать я назвала Черной Мамбой — мы в школе как раз проходили пресмыкающихся. Учитель показал нам фильм, где двухметровая змея, похожая на изящную женщину в обтягивающем платье, скользила по пескам Сахары в погоне за кустарниковой белкой.

В ту ночь я записала в своем дневнике:

Дорогой Боже!

Последнее время Черная Мамба со мной очень плохо обходится. Вчера сказала, что, если не приберусь в комнате, никто не захочет на мне жениться.

Брат Нана проходил под кодовым именем Базз. Не помню почему. Поначалу Базз был моим героем:

⁵ Д. Эдвардс. Грешники в руках разгневанного Бога.

Дорогой Боже!

Базз сегодня бегал к фургончику с мороженым. Себе взял эскимо-ракету, а мне леденец с Флинстоунами.

Или:

Дорогой Боже!

Сегодня в центре отдыха другие ребята не захотели со мной играть в трехногие гонки, мол, я слишком маленькая. А Базз пришел и сказал, что встанет со мной в пару! И знаешь что? Мы победили, и я получила приз.

Временами брат меня донимал, но тогда его промахи были невинными, заурядными.

Дорогой Боже!

Базз вечно вламывается ко мне без стука! Ну сколько можно!

Однако несколько лет спустя мои просьбы о вмешательстве свыше приобрели совсем иной характер.

Дорогой Боже!

Прошлой ночью Базз пришел домой и начал кричать на ЧМ. Я услышала, как она плачет, и спустилась вниз, хотя мне полагалось уже быть в постели (извини). ЧМ попросила Базза не шуметь, а то он меня разбудит, но Базз схватил и разбил телевизор об пол, а потом еще и дыру в стене кулаком пробил. У него начала течь кровь, ЧМ расплакалась, посмотрела вверх и увидела меня. Я побежала к себе, а Базз закричал: «Пошла нахрен отсюда, лошняя назойливая!» (А что такое лошняя?)

Мне было десять, когда я это записала. Хватало мозгов придумывать условные имена и пометить новые для себя слова, но не хватало, чтобы понять: любой человек при желании с легкостью расшифровал бы мой код. Я прятала дневник под матрасом, но так как мама убиралась повсюду, то наверняка в какой-то момент его нашла. Впрочем, она ни разу об этом не упомянула. После того случая с телевизором мама прибежала ко мне в спальню и заперла дверь, а Нана остался бесчинствовать внизу. Мать прижала меня к себе, поставила нас обеих на колени у кровати и принялась молиться на чви.

Awurade, bɔ te ba barima ho ban. Awurade, bɔ te ba barima ho ban. Боже, спаси моего сына. Боже, спаси моего сына.

— Ты должна молиться, — заявила она мне теперь. Взяла коко, проглотила пару ложек и отставила миску обратно на тумбочку.

— Вкусно? — спросила я.

Мама пожала плечами и вновь повернулась ко мне спиной.

~

Я отправилась в лабораторию. Хана там не было, так что в комнате стояла приемлемая температура. Я повесила куртку на спинку стула, собралась с духом и отловила пару мышей, чтобы подготовить их к операции. Сбрила шерстку с макушек, осторожно просверлила черепа, вытирая кровь, пока не показались ярко-красные мозги. Грызуну лежали под наркозом, их грудные клетки механически расширились и сдувались.

И пусть я уже миллион раз выполняла подобную процедуру, вид мозга по-прежнему меня завораживал. Даже

если бы я досконально изучила маленький орган внутри крошечной мышцы, он все равно не отражал бы всей сложности аналогичного органа в моей собственной голове. И все же мне пришлось постараться понять его работу и перенести это ограниченное понимание на тех из нас, кто составлял вид *Homo sapiens*, самых сложных животных — единственных животных, кто считал, будто вышел за пределы своего царства, как любил говорить один из моих учителей биологии в старших классах. Эта вера, эта трансцендентность хранилась внутри самого органа. Бесконечная, непознаваемая, одухотворенная, возможно, даже волшебная. Я променяла пятидесятичество своего детства на эту новую религию, этот новый поиск, зная, что никогда ее полностью не постигну.

Я училась в Медицинской школе Стэнфордского университета по специальности «неврология». Мое исследование было посвящено нейронным цепям поведения, связанного с жадой вознаграждения. Однажды на свидании, еще на первом году обучения в аспирантуре, я изрядно утомила парня, пытаясь объяснить ему, чем же занимаюсь весь день. Он отвел меня в «Тофу-хаус» в Пало-Альто, и, пока сам сражался с палочками для еды, роняя кусочки бульгоги на салфетку на коленях, я рассказывала ему о медиальной префронтальной коре, прилежащем ядре и двухфотонном лазерном микроскопе.

— Мы знаем, что медиальная префронтальная кора играет решающую роль в подавлении импульсов, связанных с жадой вознаграждения, просто нервная система, которая позволяет это делать, еще мало изучена.

Я встретила его на сайте знакомств. У него были соломенного цвета волосы и постоянно обгоревшая кожа. Такой типичный серфер из Южной Калифорнии. До похода в ресторан мы только переписывались, и я гадала,

не стала ли его первой темнокожей подружкой, не вел ли он список чего-то нового и экзотического, что хотел бы попробовать в жизни, — вроде этого корейского блюда, с которым уже устал мучиться.

— Ха. Как интересно, — протянул парень.

Наверное, ожидал чего-то другого. В моей лаборатории из двадцати восьми сотрудников насчитывалось всего пять женщин, и я была одной из трех чернокожих кандидатов наук во всей медицинской школе. Я сказала серферу, что получаю докторскую степень, но не уточнила, в какой области, потому что не хотела его отпугивать. Нейробиология, возможно, и круто, но вот совсем не сексуально. Добавить сюда еще мой цвет кожи — видимо, это оказалось для него уже чересчур. Он мне так и не перезвонил.

С тех пор на свиданиях я говорила, что моя задача сперва подсадить мышей на кокаин, а потом забрать его у них.

Двое из трех задали один и тот же вопрос: «Так что, получается, у вас там тонна кокаина?» Я так и не призналась, что мы давно заменили кокаин на «Эншур», пищевые добавки. И достать проще, и мыши на него легко подсаживались.

Меня заводило то, что я могу сказать что-то яркое и скандальное этим мужчинам, с большинством из которых разок пересплю и больше никогда не увижусь. Я чувствовала силу, когда их имена возникали на экране моего телефона спустя часы, дни, недели после того, как они увидели меня голой, впились ногтями в мою спину, иногда до крови. Читая их сообщения, я ощущала эти метки. Чувствовала, что в моей власти так и держать их на уровне имен на экране, но через некоторое время они переставали звонить, и тогда я черпала силу в их молча-

нии. По крайней мере, ненадолго. Я не привыкла к доминирующей роли в отношениях, к сексуальности. В старших классах меня никогда не звали на свидание. Ни разу. Я была недостаточно крутой, недостаточно белой, еще какой-нибудь «недостаточной». В колледже вела себя застенчиво и неуклюже, все еще держалась за христианство, которое требовало блюсти чистоту до брака и заставляло меня бояться мужчин и своего тела. «Всякий грех, какой делает человек, есть вне тела, а блудник грешит против собственного тела»⁶.

— Я же симпатичная, да? — спросила я однажды маму. Мы стояли у зеркала, она красилась на работу. Не помню, сколько именно мне было, но краситься еще не разрешали. Приходилось тайком лазить в косметичку, когда мамы нет дома, — впрочем, задача была несложная. Мама все время работала. Ее никогда не было рядом.

— Это что еще за вопросы? — спросила она, схватила меня за руку и рывком подтянула к зеркалу. — А ну смотри, — велела мама, и впервые мне показалось, что она на меня рассердилась.

Я пыталась отвернуться, но стоило опустить глаза, мать снова меня дергала. Столько раз, что мне казалось, сейчас рука оторвется.

— Смотри, что создал Господь. А теперь смотри, что нарисовала я, — сказала мама на чви.

Долгое время мы гляделись в зеркало. До тех пор, пока у мамы не сработал будильник, сигнал, что пора заканчивать одно дело и приниматься за другое. Она накрашила губы, послала себе в зеркало воздушный поцелуй и побежала на работу. А я так и осталась на месте, глядя на себя и посылая себе поцелуи.

⁶ Первое послание к Коринфянам 6:18.

Мыши медленно приходили в себя, оправляясь от анестезии и обезболивающих. Я ввела вирус в прилежащее ядро и имплантировала линзу в их мозг, чтобы во время экспериментов видеть, как срабатывают нейроны. Иногда я задавалась вопросом, заметили ли зверюшки дополнительный вес в головах, но старалась не развивать подобные мысли, не очеловечивать подопытных, ведь это затруднило бы мне выполнение задачи. Я привела лабораторию в порядок и пошла в кабинет. Предстояло написать работу, по-видимому последнюю перед выпуском. На вычисления, самую сложную часть, обычно уходило несколько недель, но я занималась ерундой, тянула время. Проводила эксперименты снова и снова, пока предстоящая защита не становилась чем-то далеким. Я подумывала повесить плакат над столом, чтобы привести себя в чувство. «ДВАДЦАТЬ МИНУТ В ДЕНЬ НА ДИПЛОМ, ИЛИ...» Или что? Пустая угроза. После двадцати минут рисования закорючек я сдалась и вытащила дневник, который прятала в недрах стола, чтобы читать в те дни, когда уставала от работы, когда чувствовала себя подавленной и одинокой, бесполезной и безнадёжной. Или когда возникало желание найти работу, где мне платили бы больше семнадцати тысяч долларов, львиная доля которых уходила на оплату жилья в дорогом студенческом городке.

Дорогой Боже!

У Базза сегодня выпускной, он надел костюм! Яркосиний с розовым галстуком и платочком. ЧМ пришлось специально его заказывать, ведь Базз очень высокий и в магазине на такой рост ничего не нашлось. Мы весь день его фотографировали, смеялись, обнимались, а ЧМ

плакала и все повторяла: «Ты такой красивый». Потом настало время забирать его девушку. Приехал лимузин, Базз сел туда, высунулся в окно на крыше и помахал нам. Он выглядел совершенно нормально. Пожалуйста, Боже, пусть всегда так и будет.

Три месяца спустя мой брат умер от передозировки героина.

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

